

DOI: 10.31425/0042-8795-2019-4-29-56

ТРЕТЕЙСКИЙ СУД: ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ И АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ

Стив Хаимович Левин

кандидат филологических наук, независимый исследователь
(9642708, Израиль, г. Иерусалим, ул. Байт Веган, д. 34;
email: stivlevin@gmail.com)

Аннотация. В основе сюжета статьи – заочная полемика между Демьяном Бедным и Артемом Веселым: опубликованная в 1928 году в «Известиях» инвектива Бедного «А мы-то думали...» и «Мой ответ литературному герою» Веселого, разосланный тогда же в виде письма литературным организациям, редакциям газет и журналов. Этот материал впервые вводится в литературоведческий оборот. Poleмика, а также привлечение других архивных материалов позволяют яснее представить творческое лицо, нравственную позицию и судьбы писателей в контексте общественно-литературной обстановки 1920–1930-х годов.

Ключевые слова: А. Ахматова, Д. Бедный, А. Веселый, И. Сталин, Л. Троцкий, М. Цветаева, «Перевал», «Россия, кровью умытая», «Реки огненные», «одемянивание» литературы.

Статья поступила 24.06.2018.

© 2019, С. Х. Левин

* Приношу искреннюю благодарность Е. Погорельской за помощь в работе над статьей.

DOI: 10.31425/0042-8795-2019-4-29-56

A MEDIATION COURT: DEMIAN BEDNY AND ARTYOM VESYOLY

STEVE H. LEVIN

Candidate of Philology, independent researcher
(34 Bayit Vegan St., Jerusalem, 9642708, Israel;
email: stivlevin@gmail.com)

Abstract: The article focuses on the dispute in writing between Demian Bedny and Artyom Vesoly: namely, on D. Bedny's invective 'While we were thinking...' ['A my-to dumali...'], published in *Izvestiya* in 1928, and A. Vesoly's response 'My answer to the literary hero' ['Moy otvet literaturnomu geroyu'], circulated the same year as a letter to literary organizations and editorial offices of periodicals. Using this hitherto unpublished material, the article compares Bedny's feuilleton with Vesoly's epistolary response and characterizes the two authors' social standing and beliefs, their creative principles and fates. Elevated to the rank of 'the great proletarian writer', second only to M. Gorky and bestowed with numerous awards, D. Bedny was losing every trace of artistic individuality under the heavy pressure of political and moral conformism. Whereas A. Vesoly, a rebel and romantic, rejected conformism and was determined to follow his own path of searching and daring experimentation. The dispute between the two authors about the nature of talent and the integrity of a writer was finally resolved by a 'mediation court'; time was the ultimate arbiter.

Keywords: A. Akhmatova, D. Bedny, A. Vesoly, J. Stalin, L. Trotsky, M. Tsvetaeva, the Pereval group, *Russia Bathed in Blood* [*Rossiya, kroviu umytaya*], *Rivers of Fire* [*Reki ognennye*], 'demianization' of literature.

The article was received on 24 June 2018.

© 2019, S. H. Levin

В 1928 году, когда столкнулись Демьян Бедный и Артем Веселый, Д. Бедный был на пике славы и успеха. Общеизвестно, что в годы революции и Гражданской войны широко шли в ход «агитки Бедного Демьяна». Присяжный баснописец «Правды» еще с до-революционных времен, он засыпал фронт и тыл своими призывно-агитационными стихами, сатирами на врагов революции и частушками вроде знаменитой «Как родная меня мать провожала...». Ездил по фронтам в специально предоставленном ему вагоне, который оставался в его распоряжении и после войны.

«Большевиком поэтического рода оружия» назвал Д. Бедного Л. Троцкий. Д. Бедный сопровождал Троцкого во время боев за овладение Казанью в августе–сентябре 1918 года и внес своими листовками немалый вклад в разложение войск противника.

Именно по инициативе Троцкого по окончании Гражданской войны Д. Бедный был награжден орденом Красного Знамени (никому другому из поэтов в это время такой чести не оказывали). В приказе председателя Реввоенсовета Республики Троцкого от 22 апреля 1923 года говорилось:

Демьян Бедный — меткий стрелок по врагам трудящихся, доблестный кавалерист слова, награжден ВЦИК — по представлению РВСР — орденом Красного Знамени.

За все время гражданской войны Демьян Бедный не покидал рядов Красной армии. Он — участник ее борьбы и ее побед. Ныне Демьян в бессрочном отпуску. Пробьет час — и армия призовет его снова [Коган 1927: 208].

Как видим, Д. Бедному была предназначена роль командира и политкомиссара «в отпуску». О нем так и писалось:

Его поэзия — часть общего плана, как декрет Совнаркома, как инструкция наркома. Все вещи Демьяна написаны на заказ. Все они возникают только тогда, когда является необходимость в содействии образной формы мышления при осуществлении того или иного задания <...> Демьян — один из элементов в системе строительства, и жизни, и Красной армии. Он — командир никем не назначенный, ни к какой дивизии не прикомандированный. Он — политический комиссар вне штата, политрук, солдат и т. п., смотря по ходу боевых действий [Коган 1927: 208–209].

Эту предназначенную ему роль Д. Бедный принял и исполнил с невероятным рвением. Современники, обыгрывая его на-

стоящую фамилию Придворов, намекали на то, что он исполнял роль придворного поэта при сменяющихся вождах — сначала Троцком, а потом Сталине.

28 августа 1924 года он писал Сталину: «Мышление мое агитационное. О чем бы я ни думал и что бы я ни читал, я прежде всего улавливаю агитационную, побеждающую будущность. И этим чаще всего определяется моя оценка» [*Большая...* 2005: 87].

Большевики и Сталин оценили рвение Д. Бедного, и он был вознесен на высшую высоту, доступную только советским вельможам. Д. Бедный поселился с семьей в Кремле, ему был предоставлен автомобиль, лечиться он ездил на казенный счет в Германию. И в повседневной жизни вел себя как вельможа. Так, 21 ноября 1926 года он пишет заявление предреввоенсовета Ворошилову, в котором сообщает, что 15 сентября во время следования через Ростов-на-Дону туапсинским поездом «на пути был встречный эшелон, пассажиры которого вели себя до крайности хулигански, забавляясь вышибанием окон у встречных поездов и <...> в моем вагоне тоже выбито окно». И просит сообщить результаты расследования этого инцидента, чтобы использовать «в качестве материала для агитационного» стихотворения» против хулиганства» [*Большая...* 2005: 116].

10 января 1930 года Д. Бедный пишет заявление в ЦК ВКП(б) по итогам командировки в Вятку, в котором сообщает, что 4 января поехал в Вятку, чтобы участвовать 6 января в «вечере, начинающем неделю культурного творчества». «Бросилось в глаза, что ни от окружкома, ни от исполкома не явилось ни одной живой собаки». Уехал из Вятки обиженный и разочарованный, заявив: «Нет мне смысла в Вятке задерживаться, так как никто мне ничего не показывает, я не вижу здесь фанатиков нового строительства <...> я вижу пьяную, богомольную Вятку» [*Большая...* 2005: 168–170].

Д. Бедный вел себя как зазнавшийся советский чиновник. Таким же было его поведение в литературе. Он один из самых издаваемых советских писателей, тираж его произведений исчислялся сотнями тысяч. До конца 1920-х годов выходят два собрания его сочинений — сначала в одном, а потом в тринадцати томах. Ему были посвящены отдельные книги Н. Фатова, П. Медведева, Л. Войтоловского, А. Ефремина. Л. Троцкий отводит оценке его творчества отдельную главу в своей книге «Литература и революция» (1923).

Тон критики крайне комплиментарный. Особенно усердствовал в превозношении заслуг профессор Фатов, книга которого «Демьян Бедный» вышла в Москве двумя изданиями — в 1922 и 1926 годах. В статье «О литературе и прочем» (1931) М. Горь-

кий писал: «...некий профессор Фатов, литературовед и критик, на протяжении нескольких лет невозбранно возводил посредственных писателей на высоту классиков, серьезная критика не обращала внимания на его деятельность, едва ли полезную для молодежи, которой он читает свои лекции» [Горький 1953: 52].

Рапповская критика возводила Д. Бедного в образец для подражания, выдвигая лозунг «одемянивания литературы», негласно поддерживавшийся партийным руководством. По словам автора монографии об А. Воронском, «Д. Бедный чуть ли не с первых дней революции был причислен к лику ее вождей и величался не иначе как “великий пролетарский поэт”» [Динерштейн 2001: 66].

Всякая попытка критики Д. Бедного за его художественную несостоятельность и примитивность отвергалась.

В. Маяковский еще мог в 1926 году в «Послании пролетарским поэтам», имея в виду любимые Д. Бедным формы, написать:

Одного боюсь –
 за вас и сам, –
 чтоб не обмелели
 наши души,
 чтобы мы
 не возвели
 в коммунистический сан
 плоскость раешников
 и ерунду частушек.

Но уже в «Литературной энциклопедии» о Д. Бедном сказано весьма безапелляционно: «Вопрос о том, насколько художественна эта поэзия – праздный вопрос. У каждого класса своя эстетика, класс, к<ото>рый говорит устами Демьяна, не выдвинул до сих пор большего художника, нежели Демьян» [Цейтлин 1930: 387].

Вплоть до середины 1930-х годов, пользуясь поддержкой Сталина, которого в одном из писем он именовал «“стержневым”, “осевым” другом. Во всех смыслах» [Большая... 2005: 84], несмотря на отдельные выволочки со стороны вождя, Д. Бедный безраздельно царил в советской литературе на положении второй после М. Горького ее вершины. На рубеже 1931–1932 годов Сталин заявил на встрече с работниками газеты «Известия»: «У нас два писателя пользуются колоссальным влиянием на народ – Горький и Демьян Бедный, их значение не меньше, пожалуй, чем любого из вождей партии» (свидетельство И. Гронского) [Спиридонова 1994: 256].

Сохранилось два любопытных документа, раскрывающих вкусы и пристрастия этого «большевика поэтического рода оружия». Первый — письмо Д. Бедного Василию Соловьеву¹ в ГИХЛ от 4 февраля 1931 года по поводу рукописи стихов А. Ахматовой. Видимо, решался вопрос об их издании. Вот текст этого письма в сокращении:

Дорогой Вася! Ахматова, конечно, поэт изумительный. Пленительно и непререкаемо ее своеобразное мастерство. Но, кроме мастерства, у нее имеется еще и некое, абсолютно неприемлемое для нас, существо. Об этом существе я мог бы произнести слова, которые слишком ранили бы нежное сердце Ахматовой. Стоило ли тогда и огород городить? Да и кроме того: я только вчера вечером вернулся из поездки в Ростов на Сельмаш. Сегодня через несколько часов я уезжаю в Саратов на съезд по случаю завершения сплошной коллективизации. Все это так не вяжется со стихами Ахматовой. До Ахматовой ли сейчас мне, да и всем нам? Против нее завопит та самая бумага, на которой мы рискнули бы тиснуть ее стихи. Сладка отравка, наполняющая ахматовские стихи. И еще не мертва. Мы не можем препарировать ахматовскую технику без того, чтобы кто-либо не отравился в той или иной мере ахматовской сладкой отравой.

Короче: я возвращаю рукопись стих<отворений> Ахматовой <...>

Ваш Д. Бедный
[Бедный 1931a]

Тот же политический прицел — в оценке интервью М. Цветаевой, которую Д. Бедный именуется «эсеровской поэтессой» (известно, что М. Цветаева, хотя и печаталась в эсеровских изданиях, не разделяла идеологии этой партии). 13 марта 1931 года в «Известиях» напечатан стихотворный отклик Д. Бедного на газетное интервью М. Цветаевой под заголовком «От царевубиц до царепоклонников (эс-эровский отклик на пятидесятилетие со дня убийства народовольцами Александра II)»:

1 *Василий Иванович Соловьев* (1890–1938, расстрелян), партийный деятель, в 1931 году – директор Государственного издательства художественной литературы (ГИХЛ). В. Полонский отметил в своем дневнике 12 марта 1931 года: Соловьев «внутри любит “Ахматову” – и даже осмелился высказать это, предложив включить ее сочинения в “план”. Он предложил Демьяну написать предисловие к ее стихам. Демьян отказался» [Полонский 2008: 152].